

Подробная артистическая биография Щепкина еще не существует: для нее не собраны необходимые материалы, да они сдали и будут собраны когда-нибудь из отсутствующих источников, поэтому она вряд ли и появится когда-нибудь. Проследить подробно, как и при каких условиях создавалась Щепкин в каждой из своих ролей, и как он играл лучшую роль своего репертуара — невозможно, ибо во времена Щепкина, особенно в первые годы его пребывания в Москве (о привилегии уж и не говорю) в тогдашней журналистике театральная критика вела кое-как и не шла дальше небольших и случайных замечаний. Статьи Былинского составляли исключение в данном случае, но и Былинский, соединивший все свое внимание, главным образом, на Мочалове, как мы видели, ни разу не говорил о Щепкине сколько-либо обстоятельно, ни разу не разбрал его игру систематически и ограничивался, когда касалась ее, небольшими отзывами, из которых нет ни малейшей возможности составить себе живое и отчетливое представление о частистах Щепкинского исполнения. Если это можно сказать о статьях Былинского, то о статьях других критиков и говорить нечего. Что же касается до воспоминаний современников Михаила Семеновича, то в избытке по большей части мы ничего не найдем, кроме общих эмблем и воспроизведенных впечатлений писателей-драматургов. Виду всего этого трудно надеяться, чтобы многогранная сценическая деятельность Щепкина была когда-нибудь воссоздана его биографами и как бы воскресла для нас, — воспресла с та же жизненностью и полнотой, с какой воспресает драматург Гарриса, Былина, Тальмы, Рашели и т. д. из их биографий. Поэтому *volens-nolens* нам приходится довольствоваться теми скучными съединениями, какими мы располагаем о щепкинском репертуаре и об его лучших или, как выражаются в заключении миры, коронных ролях.

В первый свой пребывание в Петербурге, в 1825 году, Щепкин debutировал там, как видно из записок П. А. Караганова, ролью Транжирина в комедии Шаховского "Честного Транжирина" и в водевиле Скриби "Секретарь и повар", а на другой день играл Арнольда в "Школе женщины" Мольера, (перевод Хильдебранда), в комедии Шаховского: "Эточка у Ксанфа" и "Честство Транжирина", в комедии Ширидана "Школа злословия" (перевод Муравьева-Аpostола), в комедии Загоскина "Богатырь в деревне", в комедии Казимира Делавина, "Урок стариков" и в водевилях Писарева: "Хлопотун" и "Учитель и ученик".

Собираясь в Петербург в третий раз, Щепкин, в письме к Сосницкому от 17 июня 1831 года, послал ему список своих охотий, очевидно, лучших ролей. Вот он:

"Благородный театр" (М. Н. Загоскина), — роль Любовского, "Горя от ума" — Фамусова, "Боги" — матроса Бота, Урока стариков" — Даниила или Бонара, или, в разное время, общий, "Школа женщины" — Арнольда, "Скупой" (ком. Мольера) — Гарнагона, "Школа злословия" — Досажаева, "Молодость Генриха V" (ком. И. Вальтера) — капитана Копа; водевили: "Учитель и ученик", "Секретарь в повар" "Хлопотун", "Дядя на

запись", "Старь и молодь" (Записки и письма Щепкина", стр. 177).

Роль Фамусова, стоящая в этом списке, была создана Щепкиным в продолжение 1830—1831 годов. Сначала от играл из "Горя от ума" отдельные сцены, а затем, когда в Москву была поставлена комедия Грибоедова "Цыган", довел до конца свою работу над этой ролью, составившую с той поры украшение его репертуара. В Фамусове, говорит П. А. Караганов, Щепкин был неподражаем и умер, не оставил послей себя достойного преемника ни в Петербурге, ни в Москве". По новому играл Щепкина в мольеровских комедиях того же Караганова писал, что ему не случалось видеть на петербургской сцене, в продолжение всей своей долгой жизни, лучшего исполнителя мольеровских типов.

Роль "Скупого" (пер. С. Т. Аксакова), замятим кстати, была разучена Щепкиним в начале 30-х годов. Тогда же он разучил и заглавную роль в водевиле "Филипп или Фамильная гордость", которую, судя по его письмам, он причислял к своим лучшим или, как выражаются в заключении миры, коронных ролях.

Каждое состояние русской драматургии 30-х, 40 и 50 годов и то скромное место, которое отводилось на русской сцене классическому репертуару, повело к тому, что Щепкин зачастую должен был появляться в совершенно ничтожных пьесах и вероятно исполнять, за отсутствием ролей своего амплуа, совсем не подходящие к нему роли резонеров. Неудивительно поэтому, что она встречала каждую новую, хорошую роль в неподдельном восторгом. Такой восторг был вызван у Щепкина в первой вистьею о предстоящей постановке "Ревизора".

В письме к Сосницкому от 28-го апреля 1836 года Щепкин писал:

"Благодарю тебя, дружище, за письмо, оно меня оживило. Благодаря театру, я приходил уже в какое-то спающее, но дремлющее состояние; бездействие совершенно меня убивало, и сдавалась я в сцене какою-то ходячая машинка или вечно движущийся ящик; и давно уже забыл, что такое комическая роль, и вдруг письмо твоё дало новую надежду и я живу полно жизни. Еще раз благодарю тебе".

В письме к сыну М. М. Щепкину, написанному двадцать льт спустя, 28 августа 1848 года, Щепкин снова повторяет свою жалобу на бедность русского репертуара и свое неизгладимое нравственное состояние как артиста. Это письмо чрезвычайно любопытно в том отношении, что раскрывает перед нами внутренний мир Щепкина и показывает, что Михаил Семенович страдал душой именно в то время, когда находился в апогее своей славы.

... "О себе скажу: здоровье, но грустит меня одолевает. Занятие моё по службе сдалось мне неясно, даже отвратительно, потому что из-за артистки дыланы поденщицы; репертуар преобразительный — не находит отдохнуть душою, а вследствие этого память тумбует, воображение стынет, звуки не достает, язык не ворочается. Все это вмѣстѣ разрушает меня, уничтожает меня, и не видишь ни в чем отрады, не видишь ни одной роли, надѣймъ можно было отдохнуть душою, что разшевелило бы мою страсть. Да, я могу еще вспомнить, что, когда это было, роль и роль! Бездействие и черствость до гадости и миѳ вспомнило выходить перед публикой; а она, моя голубушка, также миѳистика ко мнѣ, не видит, что я на сцене выходить не артист, а дядя, одаренный вдохновением, посыпавший всему себе искусству, поденщицами, неуклонно выполняющей (урок?) и зарабатывающей свою

т. Влюбляющиеся похожи на пьяниц: кто пьет, тот пить не перестанет, кто любить — будет любить больше. Это зависит от темперамента. Всѣ стали просить доктора — старого доктора из Парижа — сказать свое мнѣние.

— Это зависит от темперамента, как скажет принц. Я же могу сказать, что я знаю любовь, продержавшуюся безпрерывно 55 лѣт, до смерти.

Принцессы восхищали: — Как это прекрасно! Какое счастье быть любыми такой глубокой любовью! Как, впрочем, было счастливы тоги мужчины, которого так любили!

Доктор улыбнулся. — Вы не ошиблись, говоря, что любимый был мужчина. Вы его знаете: это господин Шуб; антиквар в собственном городе; женщина вы также знали, она старая плетельница стульев, которая появилась здесь каждый год. Но я должен сообщить вам...

Энтузиазмъ у мужчин пропал; на их лицахъ выражалось презрѣніе, как будто любовь должна быть только один разъ; что эта любовь, похожа на молнию и сердце, пораженное ею, остается навсегда такимъ опустошеннымъ, что никакое чувство, даже мечта не можетъ ее укорениться. Принц, влюбившись много разъ, защищалъ свою мысль. — Я вам говорю, что можно любить всѣми силами душъ много разъ. Вы указали мнѣ на людей, которые умерли от любви, ставите ихъ какъ доказательство невозможности второй любви. Я отвѣчалъ вамъ, что если бы они не сдали этой глупости — не покончили бы съ жизнью — они погр眉ились бы

задѣльную плату. Нѣтъ, ей все равно выходить туловище, которое носить название Щепкина, и она въ восторгъ. Грустно, страшно грустно! Знали ли: мнѣ бы легче было, еслибы меня никогда не пинали, даже это меня бы породило бы будущий русский театръ; я видѣлъ бы, что публика умѣеть, что ей одной фамилии недостаточно, а нужно дѣло.

— Да и что за публика посѣщаетъ теперь русский театръ? Въ Фамусовѣ, говорит П. А. Караганов, Щепкин былъ неподражаем и умеръ, не оставилъ послей себя достойного преемника ни въ Петербурге, ни въ Москве". По новому игралъ Щепкина въ мольеровскихъ комедияхъ того же Караганова писалъ, что ему не случалось видеть на петербургской сценѣ, въ продолжение всей своей долгой жизни, лучшего исполнителя мольеровскихъ типовъ.

Роль "Скупаго" (пер. С. Т. Аксакова), замятимъ кстати, была разучена Щепкинимъ въ началѣ 30-хъ годовъ. Тогда же онъ разучилъ и заглавную роль въ водевилѣ "Филипп или Фамильная гордость", которую, судя по его письмамъ, онъ причислялъ къ своимъ лучшимъ ролямъ.

Каждое состояние русской драматургии 30-хъ, 40 и 50 годовъ и то скромное место, которое отводилось на русской сценѣ классическому репертуару, повело къ тому, что Щепкин зачастую долженъ былъ появляться въ совершенно ничтожныхъ пьесахъ и вероятно исполнять, за отсутствиемъ ролей своего амплуа, совсѣмъ не подходящие къ нему роли резонеровъ.

Неудивительно поэтому, что она встрѣчала каждую новую, хорошую роль въ неподдельномъ восторгомъ. Такой восторгъ былъ вызванъ у Щепкина въ первой вистьею о предстоящей постановке "Ревизора".

По новому игралъ Щепкина въ мольеровскихъ комедияхъ того же Караганова писалъ, что ему не случалось видеть на петербургской сценѣ, въ продолжение всей своей долгой жизни, лучшего исполнителя мольеровскихъ типовъ.

Она поглощала его: "смиръ, кротокъ и простъ сердцемъ". Въ Фамусовѣ, говорит П. А. Караганов, Щепкин былъ неподражаем и умеръ, не оставилъ послей себя достойного преемника ни въ Петербурге, ни въ Москве". По новому игралъ Щепкина въ мольеровскихъ комедияхъ того же Караганова писалъ, что ему не случалось видеть на петербургской сценѣ, въ продолжение всей своей долгой жизни, лучшего исполнителя мольеровскихъ типовъ.

Каждое состояние русской драматургии 30-хъ, 40 и 50 годовъ и то скромное место, которое отводилось на русской сценѣ классическому репертуару, повело къ тому, что Щепкин зачастую долженъ былъ появляться въ совершенно ничтожныхъ пьесахъ и вероятно исполнять, за отсутствиемъ ролей своего амплуа, совсѣмъ не подходящие къ нему роли резонеровъ.

Неудивительно поэтому, что она встрѣчала каждую новую, хорошую роль въ неподдельномъ восторгомъ. Такой восторгъ былъ вызванъ у Щепкина въ первой вистьею о предстоящей постановке "Ревизора".

По новому игралъ Щепкина въ мольеровскихъ комедияхъ того же Караганова писалъ, что ему не случалось видеть на петербургской сценѣ, въ продолжение всей своей долгой жизни, лучшего исполнителя мольеровскихъ типовъ.

Она поглощала его: "смиръ, кротокъ и простъ сердцемъ". Въ Фамусовѣ, говорит П. А. Караганов, Щепкин былъ неподражаем и умеръ, не оставилъ послей себя достойного преемника ни въ Петербурге, ни въ Москве". По новому игралъ Щепкина въ мольеровскихъ комедияхъ того же Караганова писалъ, что ему не случалось видеть на петербургской сценѣ, въ продолжение всей своей долгой жизни, лучшего исполнителя мольеровскихъ типовъ.

Каждое состояние русской драматургии 30-хъ, 40 и 50 годовъ и то скромное место, которое отводилось на русской сценѣ классическому репертуару, повело къ тому, что Щепкин зачастую долженъ былъ появляться въ совершенно ничтожныхъ пьесахъ и вероятно исполнять, за отсутствиемъ ролей своего амплуа, совсѣмъ не подходящие къ нему роли резонеровъ.

Неудивительно поэтому, что она встрѣчала каждую новую, хорошую роль въ неподдельномъ восторгомъ. Такой восторгъ былъ вызванъ у Щепкина въ первой вистьею о предстоящей постановке "Ревизора".

По новому игралъ Щепкина въ мольеровскихъ комедияхъ того же Караганова писалъ, что ему не случалось видеть на петербургской сценѣ, въ продолжение всей своей долгой жизни, лучшего исполнителя мольеровскихъ типовъ.

Каждое состояние русской драматургии 30-хъ, 40 и 50 годовъ и то скромное место, которое отводилось на русской сценѣ классическому репертуару, повело къ тому, что Щепкин зачастую долженъ былъ появляться въ совершенно ничтожныхъ пьесахъ и вероятно исполнять, за отсутствиемъ ролей своего амплуа, совсѣмъ не подходящие къ нему роли резонеровъ.

Неудивительно поэтому, что она встрѣчала каждую новую, хорошую роль въ неподдельномъ восторгомъ. Такой восторгъ былъ вызванъ у Щепкина въ первой вистьею о предстоящей постановке "Ревизора".

По новому игралъ Щепкина въ мольеровскихъ комедияхъ того же Караганова писалъ, что ему не случалось видеть на петербургской сценѣ, въ продолжение всей своей долгой жизни, лучшего исполнителя мольеровскихъ типовъ.

Каждое состояние русской драматургии 30-хъ, 40 и 50 годовъ и то скромное место, которое отводилось на русской сценѣ классическому репертуару, повело къ тому, что Щепкин зачастую долженъ былъ появляться въ совершенно ничтожныхъ пьесахъ и вероятно исполнять, за отсутствиемъ ролей своего амплуа, совсѣмъ не подходящие къ нему роли резонеровъ.

Неудивительно поэтому, что она встрѣчала каждую новую, хорошую роль въ неподдельномъ восторгомъ. Такой восторгъ былъ вызванъ у Щепкина въ первой вистьею о предстоящей постановке "Ревизора".

По новому игралъ Щепкина въ мольеровскихъ комедияхъ того же Караганова писалъ, что ему не случалось видеть на петербургской сценѣ, въ продолжение всей своей долгой жизни, лучшего исполнителя мольеровскихъ типовъ.

Каждое состояние русской драматургии 30-хъ, 40 и 50 годовъ и то скромное место, которое отводилось на русской сценѣ классическому репертуару, повело къ тому, что Щепкин зачастую долженъ былъ появляться въ совершенно ничтожныхъ пьесахъ и вероятно исполнять, за отсутствиемъ ролей своего амплуа, совсѣмъ не подходящие къ нему роли резонеровъ.

Неудивительно поэтому, что она встрѣчала каждую новую, хорошую роль въ неподдельномъ восторгомъ. Такой восторгъ былъ вызванъ у Щепкина въ первой вистьею о предстоящей постановке "Ревизора".

По новому игралъ Щепкина въ мольеровскихъ комедияхъ того же Караганова писалъ, что ему не случалось видеть на петербургской сценѣ, въ продолжение всей своей долгой жизни, лучшего исполнителя мольеровскихъ типовъ.

Каждое состояние русской драматургии 30-хъ, 40 и 50 годовъ и то скромное место, которое отводилось на русской сценѣ классическому репертуару, повело къ тому, что Щепкин зачастую долженъ былъ появляться въ совершенно ничтожныхъ пьесахъ и вероятно исполнять, за отсутствиемъ ролей своего амплуа, совсѣмъ не подходящие къ нему роли резонеровъ.

Неудивительно поэтому, что она встрѣчала каждую новую, хорошую роль въ неподдельномъ восторгомъ. Такой восторгъ былъ вызванъ у Щепкина въ первой вистьею о предстоящей постановке "Ревизора".

По новому игралъ Щепкина въ мольеровскихъ комедияхъ того же Караганова писалъ, что ему не случалось видеть на петербургской сценѣ, въ продолжение всей своей долгой жизни, лучшего исполнителя мольеровскихъ типовъ.

Каждое состояние русской драматургии 30-хъ, 40 и 50 годовъ и то скромное место, которое отводилось на русской сценѣ классическому репертуару, повело къ тому, что Щепкин зачастую долженъ былъ появляться въ совершенно ничтожныхъ пьесахъ и вероятно исполнять, за отсутствиемъ ролей своего амплуа, совсѣмъ не подходящие къ нему роли резонеровъ.

Неудивительно поэтому, что она встрѣчала каждую новую, хорошую роль въ неподдельномъ восторгомъ. Такой восторгъ былъ вызванъ у Щепкина въ первой вистьею о предстоящей постановке "Ревизора".

По новому игралъ Щепкина въ мольеровскихъ комедияхъ того же Караганова писалъ, что ему не случалось видеть на петербургской сценѣ, въ продолжение всей своей долгой жизни, лучшего исполнителя мольеровскихъ типовъ.

Каждое состояние русской драматургии 30-хъ, 40 и 50 годовъ и то скромное место, которое отводилось на русской сценѣ классическому репертуару, повело къ тому, что Щепкин зачастую долженъ былъ появляться въ совершенно ничтожныхъ пьесахъ и вероятно исполнять, за отсутствиемъ ролей своего амплуа, совсѣмъ не подходящие къ нему роли резонеровъ.

Неудивительно поэтому, что она встрѣчала каждую новую, хорошую роль въ неподдельномъ восторгомъ. Такой восторгъ былъ вызванъ у Щепкина въ первой вистьею о предстоящей постановке "Ревизора".

По новому игралъ Щепкина въ мольеровскихъ комедияхъ того же Караганова писалъ, что ему не случалось видеть на петербургской сценѣ, въ продолжение всей своей долгой жизни, лучшего исполнителя мольеровскихъ типовъ.

Каждое состояние русской драматургии 30-хъ, 40 и 50 годовъ и то скромное место, которое отводилось на русской сценѣ классическому репертуару, повело къ тому, что Щепкин зачастую долженъ былъ появляться в

